

Т. В. Гамкрелидзе

КЛИНОПИСНАЯ СИСТЕМА АККАДСКО-ХЕТТСКОЙ ГРУППЫ И ВОПРОС О ПРОИСХОЖДЕНИИ ХЕТТСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Одной из основных проблем хеттологии является вопрос о возникновении у хеттов-неситов клинообразной письменности. Решение этой проблемы имеет немаловажное значение для ранней истории хеттов, а также для установления путей распространения на Ближнем Востоке аккадской клинописи.

В настоящее время весьма распространена теория, согласно которой хеттская письменность заимствована у хурритов и является приспособленной к нуждам индоевропейского хеттского языка хурритской системой письма. Однако эта теория наталкивается на ряд неустранимых трудностей хронологического и орфографического характера, которые заставляют нас пересмотреть положение о хурритском происхождении хеттской клинописи.

Для правильного решения вопроса о путях заимствования хеттской клинописи необходимо сопоставить ее с остальными системами клинообразного письма.

Поскольку в хеттской клинописи различается ряд знаков, которые уже совпали в старовавилонском курсиве¹, можно заключить, что хеттская клинопись восходит к источнику, предшествовавшему старовавилонской клинописи эпохи Хаммурапи. В этой связи возникает вопрос о путях заимствования хеттской клинописи непосредственно из аккадской или из другого источника, восходящего к староаккадской клинописи (около 2500—1950 гг. до н. э.).

Большое сходство с богазкейской клинописью проявляет письмо аккадских табличек из древнего Нузи, датирующихся серединой второго тысячелетия до н. э. В табличках из Нузи знак PI обозначает слоги [wa], [wi], [wu], как и в староаккадском силлабарии, тогда как слог [pi] передается знаком BI (= pi). Отсутствуют и специальные знаки для семитических эмфатических согласных, наличествующие в письменности современных нузийскому диалектов аккадского языка. Характерной особенностью нузийской письменности является также чередование знаков для звонких и глухих взрывных. Письменность из Нузи расходится с

¹ См. E. Forrer, 1 BoTU, стр. 3; A. Götzе, Die Entsprechungen der neusyrischen Zeichen PÍŠ und KA + ŠU in der Boghazköi-Schrift, ZA, NF, VI (1931), 1/2, стр. 72 сл.; B. Landsberger und H. Güterbock, Das Ideogramm für simmlitu («Leiter, Treppe»), AfO, XII (1937), 1/2, стр. 55 сл.

современной ей аккадской клинописью и в отношении передачи семитических сибилантов. Аккадские фонемы /z/, /s/ и /š/ передаются в нузийской клинописи знаками для z: e-zi-ib, i-zi-ib, i-zi-ib-šu (от акк. e-zēbu «оставлять» сем. *zb); al-zi, li-il-zi (от акк. šasû «звать; называть; читать»); ú-uz-zi, uš-te-zi (от акк. wašû «выходить») и др. Аккадское /š/, восходящее к семитскому интердентальному спиранту /*t/ (араб. /t/, др.-евр. /š/), передается в нузийской клинописи знаками для š, тогда как акк. /š/, восходящее к семитским сибилантам /*š/ (араб./s/ и /š/; др.-евр. /š/ и /ś/), может передаваться знаками для s или z: ср. ša-ti-ir при sa-ti-ir (от акк. šatāru «писать»); i-za-az-zi, a-za-az-zi (от акк. šasû «звать, называть, читать») и др.² Отсутствие знаков для эмфатических согласных, смешение знаков для глухих и звонких взрывных, а также способ передачи аккадского /š/ в нузийской клинописи находят аналогию в староаккадских текстах³.

В приспособленной к аккадскому языку шумерской клинописи наличествовали знаки для сибилантов s, š и z. Аккадская фонема /š/ в письме первой аккадской династии передавалась знаками для š и s. При этом знаками для š передавалось аккадское /š/, восходящее к сем. спиранту /*t/ (араб. /t/, др.-евр. /š/), знаками же для s передавалось акк. /š/, соответствующее араб. /s/ или /š/ (сем. /*š/*ś/). Оставшиеся в системе шумерской клинописи знаки для z стали применяться для передачи в аккадском остальных сибилантов, т. е. /z/, /s/ и /š/. Передача акк. /š/, восходящего к сем. /*t/, знаками для š и акк. /š/, восходящего к сем. /*š/*ś/, знаками для s указывает на то, что в староаккадском диалекте /š/, соответствующее араб. /t/, было отлично от /š/, соответствующего араб. /s/š/. Однако уже в староаккадском проявляется тенденция к смешению этих рядов, что ясно видно на таких примерах, как tu-sa-bu наряду с u-ša-bu (от акк. wašābu «сидеть, садиться; поселиться, жить», сем. *wtb); dam-si-il-su наряду с dam-ši-il-su (от акк. mašālu II «уподоблять», сем. *mtl)⁴. В результате совпадения этих рядов акк. /š/, восходящее к сем. /*t/ и /*š/*ś/, стало передаваться только знаками для š, тогда как знаки для s стали применяться для противопоставления аккадского /s/ фонемам /z/ и /š/, которые ранее передавались только знаками для z. Употребление знаков для s для обозначения аккадского /s/ характерно уже для старовавилонской клинописи⁵. В нузийской клинописи знаки для s засвидетельствованы в старом употреблении вариантами знаков для š, восходящего к сем. /*š/*ś/. Все это указывает на то, что нузийская клинопись восходит к староаккадской письменности⁶.

Большое сходство с нузийской клинописью проявляет хурритская силлабическая клинопись письма митаннийского царя Тушратты египетскому фараону Аменофису III. Отсутствие знаков для эмфатических согласных, смешение знаков для глухих и звонких взрывных, особое

² См. M. B e r k o o z, Nuzi Dialect of Akkadian (Language Dissertations, Philadelphia, 1937, № 23); E. A. S p e i s e r, Notes on Hurrian Phonology, JAOS, LVIII (1938), № 1, стр. 184 слл.

³ О староаккадском диалекте см. A. U n g n a d, Materialien zur altakkadischen Sprache, MVAeG, XX, 1916, № 2. обстоятельное исследование староаккадской письменности и языка см. I. J. G e l b, Old Akkadian Writing and Grammar, Chicago, 1952.

⁴ См. F. T h u r e a u - D a n g i n, Une lettre de l'époque de la dynastie d'Agadé, RAss, XXIII (1926), № 1, стр. 28 слл.: ср. G e l b, Old Akkadian Writing..., стр. 48 сл.

⁵ Ср. F. T h u r e a u - D a n g i n, Observations sur la graphie des sifflantes dans l'écriture cunéiforme, RAss, XXX (1933), № 2, стр. 93 слл.; Th. J. M e e k, Notes on the Early Texts from Nuzi, RAss, XXXIV (1937), № 2, стр. 64 слл.

⁶ Ср. A. G o e t z e, Some Observations on Nuzi Akkadian, Lang., XIV (1938), № 2, стр. 134 слл.

написание сибилантов — все это указывает на тесные связи хурритской силлабической клинописи с нузийской письменностью⁷.

Другим звеном в этой цепи является богазкейская клинопись, которой выполнены тексты на хеттском языке, а также на остальных языках, представленных в богазкейском архиве.

Эти разновидности клинообразного письма, проявляющие много общих черт в палеографическом и орфографическом отношении, выделяют обычно в особую группу клинописи под названием «аккадско-хеттского силлабария»⁸.

Особые связи проявляет хеттская письменность с хурритской силлабической клинописью митаннийского письма.

В хеттской клинописи, как и в хурритской и нузийской, отсутствуют специальные знаки для эмфатических согласных. Знак KA обозначает в хеттском тот же заднеязычный взрывной, что и знаки QA и GA ⁹. Знак PI передает в хеттском слог [wa]. В хеттской клинописи, как и в хурритской и нузийской, знаки для звонких взрывных чередуются со знаками для соответствующих глухих. Особое распространение находят в хеттской системе письма удвоенное написание согласных, восходящих к индоевропейским глухим взрывным. Удвоение согласного имеет фонематическую значимость и в хурритской клинописи.

Все эти особенности хеттской клинописи дают основание некоторым исследователям полагать, что хеттская клинопись заимствована у хурритов, письмо которых восходит к староаккадскому силлабарии. Возникшее на базе хурритской клинописи различие звонких и глухих согласных при помощи простого и удвоенного написания согласных было перенесено в хеттскую клинопись, являющуюся, согласно этим исследователям, приспособленной к нормам хеттского языка хурритской системой письма¹⁰.

Однако между хурритской и хеттской системами письма имеются и существенные различия. Некоторые особенности хеттской клинописи свидетельствуют против положения о заимствовании хеттской письменности непосредственно из хурритской.

В хеттской клинописи отсутствуют знаки для с. И.-е. /s/ передается, как правило, знаками для š: ср. e-eš-ḫar, iš-ḫar: скр. ásrk, греч. ἄσρ «кровь»; ḫa-aš-ta-i: скр. ásthi, греч. ὀστέον «кость»; 3 л. ед. ч. през. e-eš-zi: скр. ásti, лат. est; 3 л. мн. ч. a-ša-an-zi: скр. sánti, лат. sunt и др.; окончание им. пад. ед. ч. -*s: хет. at-ta-aš «отец», an-na-aš «мать», i-da-a-lu-uš «дурной, злой» и др.; формант 2 л. ед. ч. през. акт. -*si: хет. e-ip-ši «хватаешь», ku-e-ši «убиваешь» и др.

Знаки для š передавали в хеттском звук [s], что ясно видно из египетской передачи хеттских имен: ср. егип. Ḥt-s-r (§ X)¹¹ = хет. Ḥa-at-tu-ši-li-iš; егип. M-r-s-r (§ I) = хет. Ḥu-ur-ši-li-iš; егип. S-p-r-r (§ I) = хет. Ḥu-up-pi-lu-li-u-ma-aš; егип. Ḥ-s-s-p (§ 15) = хет. URUḤi-eš-ša-aš-ḫa-pa (Alak., IV, 5; Ḥuḫḫ., I, 3); егип. Š-r-s (§ 15) = хет. URUŠa-ri-iš-ša (Man., V, IV, 5; Ḥuḫḫ., I, 45); егип. S-ḫ-p-n = хет. URUŠaḫ-pi-na (Alak., IV, 7; Ḥuḫḫ., I, 43; Man., V, IV, 5).

⁷ Ср. S peiser, Notes..., стр. 175 слл.

⁸ См. F. Thureau-Dangin, Le syllabaire Akkadien, P., 1926, стр. IV слл.

⁹ Об употреблении знаков KA, GA и QA в хеттской письменности см. A. G ö t z e, Die Annalen des Muršiliš, MVAeG, XXXIII (1933), стр. 267 слл.

¹⁰ См. E. A. S peiser, Introduction to Hurrian (The Annual of the American Schools of Oriental Research, XX), New Haven, 1940—1941, стр. 13 сл.; E. H. S t u r t e v a n t and E. A. H a h n, A Comparative Grammar of the Hittite Language, I, Rev. ed., New Haven, 1951, стр. 2 слл.

¹¹ Египетские формы см. в S. L a n g d o n and A. H. G a r d i n e r, Treaty between Ḥattusili and Ramesses II, JEA, VI (1920), 3, стр. 179—205.

Сочетание t/d-s передается в хеттском знаками для z, что указывает на произношение их как аффрикаты [ts]¹².

Следовательно, в хеттском языке наличествовали фонемы /s/ и /c/ [ts], передаваемые соответственно знаками для š и z.

В хурритском языке засвидетельствовано несколько фонем сибилантного ряда /s/, /z/, /š/ и /z̄/. /s/ встречалось сравнительно редко. Однако о его наличии в звуковом составе хурритского языка свидетельствуют формы psm, usgr, sbl в хурритских надписях из Угарита, выполненных алфавитной клинописью. В хурритских надписях из Мари, датированных эпохой Хаммурапи (начало XVIII в. до н.э.) и выполненных той же клинописью, что и старовавилонские документы, засвидетельствованы формы i-si, i-su-di-iš, ma-gu-sa. В силлабической хурритской клинописи митаннийского письма из тель-амарнского архива имеем формы piš-«радоваться», hišub-«обижать» неизменно со знаками для s¹³.

Знаками для z передавался в хурритском звук, соответствующий сем. [z].

Знаки для š передавали в хурритской силлабической клинописи фонему, выраженную в угаритском алфавите через t (глухой интердентальный спирант): PШ: tu(w)t̄k «Шаушка»=мит. ša-uš-ka-; PШ: t̄tb-t̄ «Тешуб» = мит. ṽTe-e-eš-šu-pā-aš. Хурритская фонема, транскрибируемая знаком /š/, представляла собой нечто среднее между [t] и [š].

В некоторых случаях š чередуется в силлабической хурритской клинописи с z: I-š̄/zi-ib-ḥa-lu. Фонема, передаваемая этими знаками, транскрибируется знаком /z̄/. Э. А. Спайзер считает, что фонема /z̄/ представляла собой звонкий вариант /š̄/¹⁴.

Следовательно, в звуковом составе хурритского языка наличествова-

¹² См. E. H. Sturtevant, *The Sources of Hittite z*, Lang., IV (1928), № 4, стр. 227 сл.; A. Cötze, *Madduwattaš*, MVAG, XXXII (1928), 1, стр. 126; Sturtevant — Nahn, *A Comparative Grammar...*, стр. 25; И. Фридрих, *Краткая грамматика хеттского языка* (перевод с немецкого), М., 1952, стр. 51. В ряде хеттских слов неиндоевропейского происхождения наблюдается чередование знаков для š и z: URU Liḥšina || URU Liḥzina, naḥšis || naḥzis, zašḫi- || zaḫzi- (см. H. Ehelolf, *Hethitisch-akkadische Wortgleichungen*, ZA, NF, IX (1936), 1/4 стр. 186, прим. 1). Это явление, засвидетельствованное также в лувийском и палайском языках (см. A. Kammenhuber, *Zu den altanatolischen Sprachen: Luvisch und Paläisch*, OLZ, 1955, № 8/12, стб. 371 сл.), возникло, по всей видимости, под влиянием хаттского языка, для которого характерно чередование š/z (см. E. Laroche, *Études «proto-hittites»*, RAss, XLI (1947), № 1/4, стр. 73). Обнаруживаемое в некоторых хеттских словах индоевропейского происхождения чередование š/z [zamankur «борода»: samankurwant «бородатый», ср. скр. śmaśru- (<*śmaśru-) «борода», «нижняя челюсть», и.-е. *smokru-; sakkar/n-«грязь, испражнения»: zakkar/n-«испражнения» (об этих словах см. E. H. Sturtevant, *Some Hittite Etymologies*, Lang., XII, 1936, № 3, стр. 181 сл.), ср. греч. σμῆρ, род. пад. σκατός «помет, грязь, нечистоты»] следует объяснить диалектными особенностями данных форм (см. E. Laroche, *Études de vocabulaire III*, RHA, XI, вып. 52, 1950, стр. 40 сл.). По мнению Э. Бенвениста, чередование в этих формах s/z следует объяснить упрощением первоначальной аффрикаты [ts] в [s] (см. E. Benveniste, *Études Hittites et Indo-Européennes*, BSLP, XXX, 1954, вып. 1, стр. 35 сл.).

В ряде хеттских слов фонема, передаваемая знаками для z, соответствует /s/ других исторически засвидетельствованных индоевропейских языков. В подобных случаях, согласно гипотезе Э. Бенвениста, следует возводить хеттское z (и соответствующее ему с остальными исторически засвидетельствованных индоевропейских языков) к первоначальной индоевропейской аффрикате /*c/ [ts], сохранившейся в хеттском, но перешедшей в других индоевропейских языках в спирант s, совпавший с рефлексом в них и.-е. /*s/ (см. Benveniste, *Études...*, стр. 29 сл.).

¹³ См. S. Peiser, *Introduction...*, стр. 29 сл.; F. Thureau-Dangin, *Tablettes hurrites provenant de Mari*, RAss, XXXVI (1939), № 1, стр. 1—28; о фонеме /s/ в хурритском и ее передаче знаками для s см. P. M. Purves, *Hurrian Consonantal Pattern*, AJSLL, LVIII (1941), № 4, стр. 397 сл.

¹⁴ S. Peiser, *Introduction...*, стр. 30 сл.

ли фонемы /s/, /z/, /š/ и /z̄/. Фонема /s/ передавалась в силлабической хурритской клинописи знаками для s; фонема /z/ передавалась знаками для z; /š/ обозначалось знаками для š (t угаритского алфавита); /z̄/ передавалось знаками для ž, чередующимися со знаками для z.

В хеттской клинописи знаки для š и z обозначали, как известно, соответственно фонемы /s/ и /c/ [ts].

Если допустить происхождение хеттской клинописи непосредственно из хурритской, то остается непонятным, почему не были заимствованы для передачи хеттского /s/ знаки для s, наличествовавшие в хурритской силлабической клинописи и передававшие [s]. Необъяснимо при таком допущении и применение в хеттском знаков для š для передачи [s]. Знаки для š передавали в хурритском, как известно, фонемы /š/ или /z̄/, значительно отличающиеся фонетически от [s]. Не находит удовлетворительного объяснения и применение в хеттской клинописи знаков для z для передачи аффрикаты [ts], так как z передавало в хурритском сибилант [z] или, в случае чередования с š, фонему /z̄/.

С другой стороны, применение в хеттской письменности знаков для š и z для передачи соответственно [s] и [ts] легко объяснимо, если допустить, что хеттская клинопись была заимствована непосредственно из аккадской.

При слиянии в аккадском в один ряд сем. /*t/ и /*š/*š/, передававшихся в староаккадском соответственно через š и s, знаки эти стали чередоваться без всякой закономерности. При этом знаки для s начали постепенно вытесняться знаками для š. Хеттская клинопись была заимствована в эпоху, когда знаки для z обозначали в аккадском фонемы /z/, /s/ и /š/. Знаки для z, обозначавшие в аккадском /š/, были применены в хеттской клинописи для передачи аффрикаты [ts]¹⁵. Поэтому эти же знаки не могли уже быть применены и для передачи хеттского /s/ (знаки для s, как было указано выше, стали обозначать акк. /s/ только в старовавилонской клинописи). Для обозначения хеттской фонемы /s/ в системе аккадской клинописи оставались знаки для š и постепенно вытеснявшиеся знаки для s, которые изредка чередовались со знаками для š и обозначали ту же аккадскую фонему. Поэтому вполне естественно, что для передачи сибиланта /s/ в хеттском были использованы аккадские знаки для š.

¹⁵ Аккадское /š/ произносилось, по всей вероятности, как аффриката [ts]. Это явствует прежде всего из древнеперсидской передачи вавилонского имени Nabû-kudur-gi-ušur в форме Nabukudrašara. Употребление в древнеперсидском /č/ [tš] как эквивалента аккадского /š/ свидетельствует о сложном характере фонемы /š/ в аккадском. Однако др.-перс. /č/ является только приближенной передачей аккадского /š/, так как др.-перс. /č/ передается в аккадском не через š, а через š. Акк. [š], являясь сложным звуком, было передано в др.-перс. звуком аналогичного характера — аффрикатой [tš], так как в др.-перс. отсутствует аффриката [ts] (см. G. Hüsing, *Zum Lautwerte des Š*, OZL, X, 1907, № 9, стб. 467—470). Однако, если и допустить произношение /š/ в аккадском не как аффрикаты [ts], а как эмфатического [š], аналогичного арабскому «сад» (ср. W. Max Müller, *Aegyptische und semitische Umschreibungsfragen*, OZL, X, 1907, № 7, стб. 358—360), то все же очевидно, что аккадское /š/ переносилось в другие языки не как простое [š], а как аффриката. Вообще семитическое /š/ передавалось в несемитических языках при помощи различных аффрикат (ср. Г. В. Церетели, Армазское письмо и проблема происхождения грузинского алфавита, ЭВ, III, 1949, стр. 64 сл.). Против этого положения не может, конечно, свидетельствовать единственный случай соответствия хетт. /s/: ханаанейское /š/ (от сем. *d), которое обнаруживается в имени божества dE1-ku-ni-ir-ša-aš, фигурирующего в одном из поздних хеттских мифов ханаанейского происхождения и отождествляемого Г. Оттенем с сем. 'lqn'rš (см. H. Otten, *Ein kanaanäischer Mythos aus Bogazköy*, MIOF, I, 1953, 1, стр. 135 сл.). Акк. [š] производило, по всей видимости, акустическое впечатление, аналогичное аффрикате [ts]. В таких условиях естественно, что знаки для z, обозначавшие в акк. [š], были применены в хеттской клинописи для передачи аффрикаты [ts].

О заимствовании хеттской клинописи непосредственно из аккадской свидетельствует и особое распространение в хеттской системе письма шумеро-аккадских идеограмм и детерминативов, чем хеттская клинопись резко расходится с системой хурритской силлабической клинописи, которая избегает применения шумеро-аккадских идеограмм и детерминативов¹⁶.

Предположение о заимствовании хеттской клинописи непосредственно из хурритской вызывает и хронологические затруднения. В Малой Азии уже в начале второго тысячелетия до н. э. (около 1900 г.) была распространена староассирийская клинопись торговых поселений в Каппадокии. Однако хеттская клинопись не была заимствована из этого источника¹⁷. Это обстоятельство становится понятным лишь при допущении, что в период распространения в Малой Азии староассирийской клинописи местное малоазийское население уже не нуждалось в ней, владея собственной системой письма¹⁸. Таким образом, *terminus post quem* возникновения хеттской клинописи следует считать начало второго тысячелетия до н. э., что исключает всякую связь ее с хурритской силлабической клинописью митаннийского письма, возникшей, по всей видимости, позднее.

Положение о столь раннем заимствовании хеттами системы клинообразного письма прекрасно согласуется с историко-археологическими данными о появлении в Малой Азии племен, говоривших на языках индоевропейского строя. На основании анализа собственных имен, встречающихся в каппадокийских табличках, можно документально установить присутствие в начале второго тысячелетия в Малой Азии племен, говоривших на индоевропейском хеттском языке¹⁹. Переселение в Малую Азию племен, говоривших на хеттском (неситском) языке, следует отнести к эпохе, предшествовавшей основанию в Каппадокии ассирийских торговых поселений, т. е. к третьему тысячелетию до н. э.²⁰.

В 1952 г. в результате раскопок в Богазкейе в слое Буюккале IVc *in situ* была обнаружена фрагментированная табличка с хеттской клинообразной надписью²¹. Значение этого документа заключается в том, что

¹⁶ См. S p r e i s e r, Introduction..., стр. 11.

¹⁷ Вопрос о происхождении хеттской письменности из письма каппадокийских табличек, составленных на староассирийском диалекте аккадского языка, решается отрицательно (ср. A. G ö t z e, Kleinasion (Handbuch der Altertumswissenschaft, III, 1), München, 1933, стр. 63; E. F o r r e r, 2 B o T U, стр. 3; E. H. S t u r t e v a n t, A Comparative Grammar of the Hittite Language, Philadelphia, 1933, стр. 34 сл.). О языке и письме каппадокийских табличек см. G. C o n t e n a u, Trente tablettes cappado-ciennes, P., 1919; I. J. G e l b, Inscriptions from Alishan and Vicinity, Chicago, 1934; библиография вопроса — G ö t z e, Kleinasion, стр. 64.

¹⁸ Ф. Зоммер объясняет происхождение хеттской клинописи не из староассирийского письма каппадокийских табличек, а из другого источника, тем, что индоевропейские переселенцы появились в Малой Азии в середине двадцатого столетия до н. э., владея собственной письменностью, заимствованной на Востоке (см. F. S o m m e r, Hethiter und Hethitisch, Stuttgart, 1947, стр. 8 сл.). Однако подобное объяснение этого факта вызывает серьезные возражения. Вряд ли можно согласиться с положением о заимствовании письменности индоевропейскими переселенцами в период странствий и переходов на новые места жительства. Письменность появляется обычно у оседлых племен в эпоху зарождения у них государственности.

¹⁹ A. G o e t z e, The Theophorous Elements of the Anatolian Proper Names from Cappadocia, Lang., XXIX, 1953, № 3, стр. 263 сл.

²⁰ См. K. V i t t e l, Hethiter und Proto-Hattier, «Historia», I (1950), 2, стр. 270 сл.; ср. также Г. В. Г а м к р е л и д з е, Хеттские языки и вопрос о переселении в Малую Азию индоевропейских племен, «Труды Института языкознания АН Грузинской ССР», Серия восточных языков, II (1956), стр. 51—54.

²¹ «Vorläufiger Bericht über die Ausgrabungen in Bogazköy im Jahre 1952», MDOG, № 86 (1953), стр. 20 сл.

в данном случае мы имеем дело не с надписью, текст которой дошел до нас в позднейшей копии, как в подавляющем большинстве хеттских надписей из богазкейского архива, а с древнейшим оригиналом, выполненным в начале XVII в. до н. э.²²

Обнаружение древнейшего оригинала с клинообразным письмом, полностью совпадающим с письмом позднихеттской эпохи, имеет особое значение для решения вопроса о происхождении хеттской клинописи. Данные этой надписи не оставляют сомнения в том, что хетты владели в конце восемнадцатого — начале семнадцатого века до н. э. уже вполне оформившейся системой клинообразного письма, которая оставалась в основном неизменной на протяжении нескольких столетий²³. Такая стабильность хеттской клинообразной письменности станет понятной, если допустить, что уже в XVIII в. до н. э. у хеттов существовала длительная традиция составления письменных документов этой разновидностью клинописи. Таким образом, имеются основания отнести возникновение у хеттов клинообразной системы письма уже к началу второго тысячелетия до н. э.

В свете этих положений естественно допустить, что архаичная по языку надпись царя Анитты, сына Питханы (XX—XIX вв. до н. э.)²⁴, текст которой дошел до нас в позднейшей копии²⁵, была составлена на индоевропейском хеттском языке²⁶ и выполнена тем же клинообразным письмом, что и позднейшие хеттские документы²⁷.

На основании всего изложенного выше можно заключить, что хетты владели клинообразной системой письма, известной из богазкейского архива, уже в начале второго тысячелетия до н. э. Следовательно, черты сходства между хеттской письменностью и хурритской силлабической клинописью объясняются не возникновением хеттской клинописи непосредственно из хурритской, а их происхождением из общего источника — аккадской клинописи, предшествовавшей старовавилонскому курсиву.

Начертание знаков аккадской клинописи в староаккадскую эпоху или в эпоху III династии Ура, имея более архаичный вид, значительно расходится с начертанием соответствующих знаков хеттской клинописи. Поэтому хеттская система письма (и остальные системы аккадско-хеттской

²² Разбору этой надписи мы намерены посвятить отдельную работу.

²³ Ср. J. F r i e d r i c h, AfO, XVII (1956), 2, стр. 388.

²⁴ См. J. L e w y, La chronologie de Bithana et d'Anitta de Kussara, RHA, V, вып. 17 (1934), стр. 1 слл.

²⁵ См. 2 BoTU, 7 + 30. Первый перевод и разбор надписи дал В. Н r o z n ý, L'invasion des Indo-Européens en Asie Mineure vers 2000 av. J.-C., Ar. Or., I (1929), № 3, стр. 273 слл.; см. также Н. G. G ü t e r b o c k, Die historische Tradition und ihre literarische Gestaltung bei Babyloniern und Hethitern bis 1200, ZANF, X (1938), 1/2, стр. 139 слл. Новый перевод Г. О т т е н а (MDOG, № 83, 1951) остался мне недоступен. Историческое истолкование надписи см. R. C. H a r d y, The Old Hittite Kingdom, AJSL, LVIII (1941), № 2, стр. 178 слл.

²⁶ На оригинальность древнихеттского текста Анитты указывает в частности то, что в надписи упоминается бог города Несы^dŠi-i-uš-mi-iš (стк. 47),^dŠi-u-na-šum-mi-iš (стк. 57). Имя этого божества, которому поклоняется Анитта, объяснимо из норм хеттского языка: siu(na)-smi «ваш бог» (о слове siuna «бог» см. E h e l o l f, Hethitisch-akkadische Wortgleichungen, стр. 170 сл.) (см. P. K r e t s c h m e r, Zwei eigentümliche hethitische Götternamen, Ar. Or., XVII, 1949, 1, стр. 413 сл.; ср. также S. A l p, Die soziale Klasse der NAM.RA-Leute, JKF, I, 1950, № 2, стр. 126).

²⁷ Ср. O. R. G u r n e y, The Hittites, L., 1954, стр. XV. Предположение К. Биттеля, что текст Анитты, составленный на индоевропейском хеттском языке, был первоначально выполнен каппадокийской клинописью (см. K. B i t t e l, Grundzüge der Vor- und Frühgeschichte Kleinasiens, Tübingen, 1950, стр. 45), вызывает серьезные возражения. Трудно допустить, что хетты, научившись применять каппадокийскую клинопись для записи хеттских текстов, перешли в дальнейшем на другую систему клинообразного письма.

группы), восходящая к староаккадскому силлабарю, не может быть выведена непосредственно из староаккадской клинописи. Это противоречие устраняется лишь при допущении положения о происхождении хеттской клинописи из источника, восходящего к староаккадской клинописи и являющегося как бы посредствующим звеном между староаккадской и хеттской системами письма.

Наиболее вероятным источником хеттской клинописи следует считать аккадскую клинопись, распространившуюся в Северной Сирии в конце третьего — начале второго тысячелетия до н. э.

Обнаруженные на территории древнего Мари (среднее течение Евфрата) аккадские клинописные документы, датируемые началом второго тысячелетия до н. э., дают возможность судить о существовании в эту эпоху в Северной Сирии мощных государственных объединений, поддерживавших тесные культурно-экономические связи с государствами древней Месопотамии²⁸. Особое место среди них занимал Ямхад (Ya-am-ḥa-ad^{KI}), часто упоминаемый в клинописных табличках из Мари и локализуемый в Северной Сирии²⁹. Царь Ямхада Яримлим, современник великого вавилонского царя Хаммурапи (первая половина XVIII в. до н. э.)³⁰, считался одним из могущественнейших царей того времени: «двадцать царей следуют за Яримлимом, царем Ямхада», читаем мы в одном из писем, адресованном царю Мари Зимрилиму³¹. В этом отношении весьма любопытны свидетельства упомянутой выше древнехеттской надписи, в которой повествуется о «человеке из города Ḥalar (Алеппо)», выступившем со своими войсками и боевыми колесницами в составе военной коалиции из города Ḥalar (Алеппо) против хеттского царя. Все это указывает на тесные связи, существовавшие между Северной Сирией и хеттским миром уже в начале второго тысячелетия до н. э. В дальнейшем, благодаря военной мощи Ямхада, ни ассирийскому царю Шамшиададу I, захватившему царство Мари, ни вавилонскому царю Хаммурапи не удалось присоединить его к своему царству³². Царство Ямхад было покорено только преемником хеттского царя Хаттусили I царем Мурсили I, который «отправился в (город) Алеппо и разрушил (город) Алеппо»³³.

Северо-западнее Алеппо находился древний город Алалах (A-la-la-aḥ^{KI}), который в эпоху царствования царя Ямхада Яримлима, современника вавилонского царя Хаммурапи, был присоединен к Ямхаду и

²⁸ См. G. Dossin, Les archives économiques du Palais de Mari, «Syria», XX (1939), стр. 97—113.

²⁹ Царство Ямхад отождествляется с царством Алеппо, которое являлось в XVIII в. до н. э. одним из крупнейших государственных объединений на Ближнем Востоке, управляемым царями аморрейского происхождения (см. G. Dossin, Le royaume d'Alep au XVIIIe siècle avant notre ère d'après les archives de Mari, «Académie Royale de Belgique. Bulletin de la classe des lettres et des sciences morales et politiques», XXXVIII (1952), 5, стр. 229—239). Царь Ямхада Яримлим (Ya-ri-im-li-im šar Ya-am-ḥa-ad^{KI}) и его преемник Хаммурапи (Ḥa-am-mu-ra-pi šar Ya-am-ḥa-ad^{KI}) именуются также царями Алеппо: Ya-ri-im-li-im šar Ḥa-la-ab^{KI}, Ḥa-mu-ra-pi šarrum ša Ḥa-la-ab^{KI} (см. G. Dossin, Yamḥad et Qatanum, RAss, XXXVI, 1939, № 1, стр. 46 сл.).

³⁰ О времени правления Хаммурапи см. В. В. Струве. Датировка I вавилонской династии, ВДИ, 1947, № 1, стр. 9 слл.; M. B. Rowton, The Date of Hammurapi, JNES, XVII (1958), 2, стр. 97 слл.

³¹ w[a-a]r-ki Ya-ri-im-li-im awil Ya-am-ḥ[a-a]d^{KI} XX šarrāni i-la-ku (ср. G. Dossin, «Syria», XIX, 1938, стр. 117).

³² См. J.-R. Kupper, Uršu, RAss, XLIII, 1949, № 1—2, стр. 82.

³³ [na-]aš URUḤal-pa pa-it nu URUḤal-pa-an ḥar-ni-ik-ta (2 BoTU, 23, A, I, 28); ср. Hardy, The Old Hittite Kingdom, стр. 203 слл.; S. Smith, Alalakh and Chronology, L., 1940, стр. 10 слл.

сделался царской резиденцией³⁴. Основная масса обнаруженных здесь в VII слое клинописных табличек относится к эпохе царствования Яримлима и датируется XVIII—XVII вв. до н. э.³⁵

Система аккадской клинописи из Алалаха проявляет много общих черт с системами письма аккадско-хеттской группы. Начертание клинописных знаков этих табличек почти полностью совпадает с начертанием соответствующих знаков хеттской клинописи.

В клинописных табличках из Алалаха не различаются знаки для глухих и звонких взрывных, ср.: i-ba-tar (AT, 92,9), i-ba-at-tar (AT, 92, 14) от raṭāru «разрывать, освобождать, выпускать» (сем. *ptr); ta-am-gu (SAT, 361,7) от damāku «быть хорошим, благоприятным», i-mi-[i]t-ta-šu (SAT, 455,45)//i-mi-id-da-šu (AT, 78, 15), ср. акк. imittu «правая рука, десница» (субст. прил. женск. род. от imnu, сем. *ymn); i-ra-ag-gu-mu (AT, 7, 38)//i-ra-ak-ku-mu (AT, 41, 16) от raḡamu «кричать, звать; жаловаться (в суде), посягать», сем. *rgm. Знак ВІ применяется со значением [pi] (ср. pi-šu, SAT, 455, 35, от pū «рот»), тогда как знак PІ передает слог [wa]: wa-aš-bu (SAT, 21,7) от wašābu «сидеть, садиться; жить, обитать, поселиться»; a-wa-tam (SAT, 455,9) от awātum «слово».

Отсутствуют и специальные знаки для эмфатических согласных. Аккадские эмфатические согласные передаются знаками для соответствующих простых согласных: ba-al-tu (AT, 42,8) от balātu «жить»; ip-tu-ur-šu-nu-ti (SAT, 29,8), ip-tu-ur (SAT,30,7) от raṭāru «освобождать, выкупать»; ra-ti-šu-nu (AT, 56,4) от rātu «область, граница»; li-il-ki (AT,7, 21 и 23), i-li-ig-gi (SAT, 94, 17), i-li-gi (AT, 92,9) от leḡu «хватать, брать» (сем. *lḡh); i-šar-ra-ku (AT, 4,11) от šarāku «красть, укрывать» и др. Знаками для эмфатического ḡ (главным образом KA) передаются соответствующие простые согласные: i-ša-aḡ-ḡa-nu (AT, 2,53) от šakānu «клясть, возлагать»; перм. «лежать» (сем. *škn); ḡa-la (AT, 16,9 и 17) от kālu «совокупность, все»; i-ma-ḡa-ru (AT, 2,29) от maḡāru «повиноваться, быть любезным; оказать милость» и др.

Полное совпадение с системой аккадско-хеттской клинописи усматривается в табличках из Алалаха и в отношении передачи аккадских сибилантов. Знаками для z передаются здесь, как и в староаккадской клинописи, акк. /z/, /s/, и /ṣ/.

/z/: za-ku (AT, 2,35) = zakū «чистый; свободный от долгов»; za-a-zi-im (AT, 7,27) от zāzum «делить».

/s/: zi-ip-ta (AT, 50,4) от ṣiptu «процент» (eṣēru «прибавлять, увеличивать»); šu-zi-aš-šu-nu-ti-mi (AT, 113,9) от wašū «выходить»; zu-ub-bi-is-su-nu-ma (AT, 110,7) от šabātu «хватать, брать».

/s/: i-na-az-za-ḡu (SAT, 455, 45), i-na-az-za-aḡ (AT, 56, 42) от našāḡu «вырывать» (сем. *nsh); li-iz-zu-uḡ-ma (AT, 7, 21), iz-zu-uḡ-ma (AT, 7,29) от našāku «выбирать»; a-zi-ri (SAT, 261,5) a-zi-ra (SAT, 246,21) = aṣēru «узник, заключенный» от eṣēru «запирать, заключать, поймать» сем. *sr) и др.

Знаки для s встречаются сравнительно редко и чередуются со знаками для š: iš-al-šu (AT, 17, 4), ši-ta-i-il-šu-nu (AT, 116, 17), но sa-a-al (AT, 116, 4) от ša'ālu «спрашивать» (сем. *šl); i-ša-ad-da-ad-ši (AT, 92, 11), но i-sa-at-ta-at (AT, 16, 16) от šadādu «тянуть, trahere». Однако, наряду с таким употреблением знаков для s, засвидетельствованы и случаи при-

³⁴ Smith, Alalakh..., стр. 31 сл.; L. Woolley, A Forgotten Kingdom, L., 1953, стр. 66 сл.

³⁵ См. издание D. J. Wiseman, The Alalakh Tablets, L., 1953 (далее — AT); он же, Supplementary Copies of Alalakh Tablets, JCS, VIII (1954), № 1, стр. 1—30 (далее — SAT).

менения их, как и в старовавилонской клинописи, и для передачи этимологического /s/: ср. a-si-ri (SAT, 246, 22; 251, 14; 257,2, и др.) от esētu «записать, заключать» (сем. *sr).

Подобное употребление знаков для s, встречающееся sporadически наряду с обычным их употреблением как вариантов знаков для š, возникло в аккадской письменности Северной Сирии, судя по табличкам из Алалаха, не ранее конца XVIII в. до н. э. и характеризует сравнительно более позднюю ступень развития староаккадской клинописи.

Аналогичная система клинописи была обнаружена в Северной Сирии южнее Алеппо, в Мисрефе, на территории древнего города *Ḫatna* (URUḪât-na), расположенного на правом берегу Оронта³⁶. Город *Ḫatna* отождествляется с древним *Ḫatanum* (aḫa-ta-nim^{KI}), часто упоминаемым в клинописных табличках из Мари как столица одного из могущественных царств эпохи первой вавилонской династии³⁷. Клинописные таблички, обнаруженные в *Ḫatna*, датируются периодом около XV в. до н. э.³⁸.

Графика этих табличек аналогична графике аккадско-хеттской клинописи. Наблюдается чередование между знаками для глухих и соответствующих звонких взрывных. Знак P1 применяется со значением [wa]: *Hu-wa-wa* (I,163), тогда как слог [pi] передается знаком B1: *pî-i* (I,54; 70 и др.). Отсутствуют и специальные знаки для эмфатических согласных, передаваемых знаками для соответствующих простых согласных: *un-ku* (I,296) = *unḫu* «кольцо» (сем. *nḫ?); *ar-ku* (I,4, 21) = *arḫu* «зеленый; зелень» (сем. *wrḫ). Акк. /s/ обозначается знаками для z: *zi-nu* (I,51) = *šēnu* «мелкий рогатый скот» (сем. *d'n).

Нужно полагать, что аналогичная система аккадской клинописи была распространена в начале второго тысячелетия по всей Северной Сирии, где в эту эпоху существовал ряд мощных государственных объединений³⁹. В клинописных табличках из Мари, помимо царств *Yamhad* и *Ḫatanum*, упоминаются города *Кархемиш*⁴⁰, *Haššum*⁴¹, отождествляемое с *Has-suwa* хеттских источников⁴², и др. В этой же области находилось и подвластное Мари царство *Аби-Самара*, письма которого к царю Мари *Яхдун-Лиму* были обнаружены в архиве из Мари⁴³.

Староаккадская клинопись была занесена в эти области уже в глубокой древности. С древнейших времен существовали тесные связи между Сирией и аккадским миром. Староаккадская клинопись, занесенная в Северную Сирию, по всей вероятности, в эпоху III династии Ура, развилась в особый вид клинописи, из которой и была заимствована хеттская клинопись в начале второго тысячелетия до н. э. и остальные клинописные системы аккадско-хеттской группы.

Хурритские племена, обитавшие в староаккадский период восточнее Тигра, начинают в эпоху *Хаммурапи* постепенно проникать в Верхнюю

³⁶ Ch. Virolleaud, Les tablettes cunéiformes de Mishrifé-Ḫatna, «Syria», IX (1928), стр. 90—96.

³⁷ Dossin, Yamhad et Qatanum, стр. 50 слл.

³⁸ J. Bottéro, Les inventaires de Qatna, RAss, XLIII (1949), 1—2, стр. 32 сл.; клинописный текст, транскрипцию и перевод этих табличек см.: он же, Les inventaires de Qatna, RAss, XLIII, № 3—4, стр. 137—215; он же, Autres textes de Qatna, RAss, XLIV (1950), 3, стр. 105—118.

³⁹ Cp. W. F. Albright, New Light on the History of Western Asia in the Second Millennium B. C., BASOR, № 77, 1940, стр. 20—32, № 78, стр. 23—31.

⁴⁰ См. G. Dossin, Aplaḫanda, roi de Carkémis, RAss, XXXV (1938), 2, стр. 115—121.

⁴¹ awil Ha-ši-[im^{KI}] (ARM, I, 14), awil Ha-aš-ši-[i]m (ARM, I, 245); ср. LÚ URUHa-aš-ši древнехеттской надписи (КВо, VII, 14, 3, 7, 16).

⁴² Cp. A. Coetze, Kizzuwatna and the Problem of Hittite Geography (Yale Oriental Series, 22), New Haven, 1940, стр. 71 сл.

⁴³ См. ARM, № 1, 2; ср. J.-R. Kupper, Uršu, стр. 80 сл.

Месопотамию и Северную Сирию⁴⁴. На основании анализа собственных имен, встречающихся в табличках из Алалаха, можно заключить, что уже в XVIII в. до н. э. хурритский элемент был сильно распространен в Северной Сирии. Хурритские племена, наряду с племенами западно-семитического, аморрейского происхождения, составляли в эту эпоху основную массу населения Северной Сирии⁴⁵. Здесь и была заимствована хурритами syllabическая клинопись митаннийского письма. Более поздним заимствованием хурритской клинописи по сравнению с хеттской следует объяснить и наличие в хурритской клинописи, в отличие от хеттской, знаков для *s* для передачи фонемы /s/, что характерно уже для письменности табличек из Алалаха. Этим и объясняются те черты сходства, которые сразу же бросаются в глаза при сравнении хеттской системы клинописи с хурритской syllabической системой митаннийского письма. Однако некоторые внешне сходные особенности хеттской и хурритской клинописи, являясь продуктом обособленного развития этих двух систем, имеют различное содержание.

В хурритской syllabической клинописи удвоение согласных передает, согласно Э. А. Спайзеру, соответствующий глухой согласный, в отличие от звонкого, передаваемого в простом написании. Удвоение взрывных в хеттской клинописи передавало соответствующий придыхательный согласный⁴⁶. При заимствовании аккадской клинописи два ряда хеттских взрывных (чистые взрывные — придыхательные взрывные) были переданы соответственно не знаками для глухих и звонких взрывных (или наоборот), которые в староаккадской системе письма не различались⁴⁷, а соответственно простым и удвоенным написанием взрывных. Простое написание согласного было применено для обозначения чистых взрывных; для передачи в хеттском соответствующих придыхательных взрывных, отличающихся от чистых взрывных большей интенсивностью и продолжительностью артикуляции, прибегли к новому графическому способу — удвоению знака для соответствующего взрывного, чем и была достигнута дифференциация в графической передаче чистого взрывного и соответствующего придыхательного согласного. Под влиянием этой графической модели, возникшей в хеттской системе письма, и были, по всей видимости, противопоставлены в хурритской syllabической письменности два ряда хурритских взрывных (звонкие : глухие) путем простого и удвоенного написания соответствующего согласного.

⁴⁴ См. I. J. Gelb, *Hurrians and Subareans*, Chicago, 1944, стр. 58 сл., 89 сл.

⁴⁵ См. Wiseman, *AT*, стр. 9 сл.; ср. также H. G. Güterbock, *The Hurrian Element in the Hittite Empire*, «Cahiers d'Histoire Mondiale», II (1954), 2, стр. 383 сл.; E. A. Speiser, *The Alalah Tablets*, *JAOS*, LXXIV (1954), 1, стр. 19; он же, *The Hurrian Participation in the Civilization of Mesopotamia, Syria and Palestine*, «Cahiers d'Histoire Mondiale», I (1953), 2, стр. 318 сл.

⁴⁶ См. об этом Т. В. Гамкрелидзе, *Передвижение согласных в клинописном хеттском (неситском) языке*, «Переднеазиатский сборник», М., Издательство литературы на восточных языках АН СССР (в печати).

⁴⁷ См. Thureau-Dangin, *Lesyllabaire Akkadien*, стр. IV; W. von Soden, *Grundriss der akkadischen Grammatik*, Roma, 1952, стр. 27 сл.; Gelb, *Old Akkadian*, стр. 37 сл. Эта же графическая особенность была характерна и для староаккадской клинописи, распространившейся в Северной Сирии (см. выше).

